

АЛЕКСАНДР КОРЖКОВ

«НА СМЕНУ ЗАКАЗНЫМ ДЕЛАМ ПРИШЛИ ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА»

СТАРШИЙ ПАРТНЕР КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ REN & PAPER КОНСТАНТИН ДОБРЫНИН РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВГ КОНСТАНТИНУ КУРКИНУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И О ВОЗМОЖНОСТЯХ СНИЗИТЬ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН ПРАВОСУДИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.

BUSINESS GUIDE: Как за последний год изменилась структура спроса на услуги со стороны ваших клиентов?

КОНСТАНТИН ДОБРЫНИН: Лидерство сохранилось за уголовно-правовой практикой, за ней следует практика разрешения споров. Но она отстает не потому, что объем именно этой работы уменьшился — нет, он растет, но объем вопросов, так или иначе связанных с уголовным правом, растет в геометрической прогрессии, что объясняется нездоровой ситуацией в стране. В прошлом году мы также открыли практику санкционного права, и я ожидаю, что следующий год пройдет под его знаком. Ничего хорошего для бизнеса и для граждан в этом нет, но если посмотреть более широко, то хуже, пожалуй, может быть только война. Если мы — страна — балансируем где-то посередине, то это неплохо, и пусть так и будет.

BG: Вы довольно часто участвуете в публичных делах: представляли Алексея Учителя в конфликте вокруг «Матильды», штаб Ксении Собчак во время выборов, участвуете в судебных процессах, связанных с акционерным конфликтом в «Юлмарте». Помогает ли или мешает интерес СМИ к делу?

К. Д.: СМИ не могут мешать, как мне кажется. Но ты должен знать два правила: ты должен уважать журналистов и считать их своими союзниками, а не расходным материалом. Второе правило: это должно быть не во вред клиенту, то есть PR не первичен, а вторичен. Также важно понимать, что каждый адвокат это публичная фигура, он должен владеть и письменной, и устной речью. Он должен уметь выступать, говорить понятным языком и для суда, и для правоохранителей, и для обычных граждан. Он должен уметь публично выступать так, чтобы на него хотелось приходиться и слушать, как это было, например, до революции.

BG: В последние годы регулярно говорится о необходимости гуманизации уголовного наказания в отношении предпринимателей. Делаются ли реальные шаги в этом направлении?

К. Д.: Реальных качественных изменений в этом направлении, пожалуй, нет. Государство пытается сейчас либерализовать законодательство об ответственности в сфере экономики, если это не связано с

хищением государственных денег. В то же время, например, в начале года прошлого года была усилена ответственность за нарушения при госзакупках.

Из более или менее позитивного — это декабрьский президентский законопроект об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. В результате от уголовной ответственности будут освобождаться лица, впервые совершившие мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, в сфере кредитования при условии возмещения ими ущерба. Это хорошо, конечно, но, к сожалению, каких-то прорывных вещей я не вижу. Нет желания (и самое важное — государственной воли) на этот прорыв.

BG: Насколько часто уголовное преследование выступает инструментом для решения споров между хозяйствующими субъектами?

К. Д.: Сейчас ситуация изменилась, но не могу сказать, что в лучшую сторону. Десять лет назад конкуренты-предприниматели, используя коррумпированных правоохранителей, возбуждали заказные дела и разбирались друг с другом. Сейчас сами правоохранители выступают субъектами атаки — им заказчик уже не нужен. И на смену заказным делам пришли приказные дела. Правоохранители сами понимают, что нужно делать и как. В определенном смысле их развратили предприниматели, которые показали им схему действий и принцип, а теперь пожинаяют плоды. Если домашнюю собаку, которая должна охранять дом натаскиваешь убивать, то не удивляйся, что в какой-то момент она бросится на тебя.

BG: Основным источником рисков для предпринимателей принято считать статью 159 УК, которая является «резиновой». Так ли это?

К. Д.: Это уже некоторое клише. Статья 159 — это некая база, которая может быть использована для нанизывания других составов. Но правоохранители многому учатся и поэтому не ограничиваются только этим механизмом. Задача государства сейчас усилить фискальный механизм — наполнить бюджет. Поэтому надо смотреть на статью 199 УК РФ как на триггер (уклонение от уплаты налогов). Следственный комитет вообще рекомендовал своим сотрудникам, когда они расследуют

уголовные дела по налоговым составам, обязательно выявлять сопутствующие уклонению преступления по статьям 172 (незаконная банковская деятельность), 173 (незаконное образование юрлиц), 327 (подделка, изготовление или сбыт поддельных документов). Вот откуда пойдет увеличение числа уголовных дел.

BG: Обвинительный уклон правосудия применительно к предпринимателям можно снизить за счет либерализации в этой сфере? Или нужны изменения более общего порядка?

К. Д.: Изменение обвинительного уклона — это прежде всего изменение менталитета. При обсуждении судебной реформы нужно помнить про вопросы образования, о которых все почему-то забывают. Должны быть дополнительные спецкурсы по воспитанию будущих судей, чтобы у них был правильный нестяжательный менталитет, должна изучаться философия, политология — много чего, что кажется на первый взгляд не совсем профильным. Вуз должен выпускать из своих стен человека и гражданина, а не специалиста — специалистом он станет позже. Специалистов у нас много — граждан мало, тех, кто понимает первичность права, кто знает, что нет каких-то особенных, присущих именно только нам ценностей, а есть общемировые. Но государство при этом должно показывать, что для него является приоритетом внутренняя политика, направленная на гражданина, а не внешняя. У нас же пока государству интересны Сирия, «Посейдоны» и «Птолеми», которые могут всех взорвать и потопить, у которых скорость двадцать с чем-то махов, и совсем не интересно то, что касается вещей внутренних. А как известно, лучшая политика — это экономика.

BG: Как вы относитесь к реформе юридического рынка, предполагающей введение адвокатской монополии на представительство в судах?

К. Д.: Дискуссия о реформе ведется без малого десять лет, и без малого десять лет я повторяю, что, конечно, реформа нужна, потому что у адвокатуры есть стандарты, внутреннее регулирование, а у других представителей юридического рынка, которым предложено объединиться с нами, — нет. Тем не менее они тоже оказывают юридическую помощь гражданам, но на-

сколько она квалифицированная — вызывает вопросы. И надо перестать бояться слова «монополия». Адвокатура способна обеспечить наличие профильного образования, регулярное повышение квалификации, соблюдение этических правил и норм, обладает возможностью привлечения к профессиональной ответственности. Но самое важное, что таким образом можно будет воплотить в жизнь статью 48 Конституции, которая говорит об обеспечении граждан квалифицированной юридической помощью, чего сейчас нет.

BG: Как в контексте реформы вы оцениваете законопроект сенатора Клишаса, который вносит изменения в закон об адвокатуре?

К. Д.: Надеюсь, что реформу он подстегнет и правительство перейдет от слов к делу. Что касается непосредственно законопроекта Клишаса, то он является актуальным и своевременным. Он может развязать ряд спорных узлов, таких как адвокатское самоуправление и дисциплина, гонорар успеха, изменение членства в региональных палатах. Радует, что Совет федерации по-прежнему глубоко, а не поверхностно знаком с состоянием дел в адвокатуре, и предлагает механизмы, усиливающие ее, но самое важное — есть диалог между законодателем и адвокатурой, и к нашим замечаниям прислушиваются. В самом тексте есть вещи, требующие уточнения, но дух законопроекта верный.

BG: В Минюсте считают, что в России, несмотря на угрозы национальной безопасности, продолжается доминирование иностранных юрфирм. Видите ли в этом проблему?

К. Д.: Мне абсолютно не нравится тенденция, когда вокруг деятельности иностранных юридических компаний дискуссия политизируется. Понятно, что у государства есть необходимость защиты гостайны, целостности бюджета, безопасности в процессе раскрытия информации. Но нельзя ни в коем случае никого облыжно обвинять и ставить клеймо на основании нероссийского флага. Если говорить о российском рынке, то никому из нас — российских консультантов — такой насильственный гандикап в отстранении конкурентов не нужен. Более того, он вреден, потому что чем больше будет высококлассных игроков на рынке, тем лучше для нас. ■